

Логика и философия (записки семидесятника)

Целищев В. В.

Аналитическая философия в значительной степени связана с логикой. Лозунг Б. Рас села "Логика есть сущность философии" был для меня буквальной истиной, с того времени как я прочитал его "Историю западной философии", книгу с сакраментальной надписью "Для научных библиотек". Такие надписи сопровождали те редкие переводы иностранных книг по аналитической философии, которые начали выходить в СССР со времен "хрущевской оттепели" и перестали выходить с ее кончиной к концу 1960-х. Дальнейшая история аналитической философии в нашей стране была напрямую связана с логикой, точнее, с математической логикой.

Математическая логика обладала в период "оттепели" каким-то особенным статусом среди интеллектуалов. Немногие книги по этой дисциплине на русском языке вроде "Введения в логику и методологию дедуктивных наук" А. Тарского и "Введения в теоретическую логику" Д. Гильберта и В. Аккермана, изданных в 1940-е, были обременены предисловиями, в которых поправлялись "некоторые неверные взгляды", при условии "абсолютизации" значимости математической логики. Изданные в конце 1950-х книги "Введение в метаматерику" С. Клини и "Введение в математическую логику" А. Черча уже были свободны от идеологических штампов в предисловиях, и пользовались огромной популярностью. В академическом Институте автоматизации и электротехники в Новосибирске, где я работал пару лет, молодые научные сотрудники, не имевшие непосредственного отношения к математике, знали и почитали книгу Клини. Очевидным объяснением популярности математической логики было то, что она была олицетворением истины, не опосредованной идеологией тоталитаризма, и именно по этой причине математическая логика и ассоциированные с ней науки вроде кибернетики были под большим подозрением режима. И все же, как известно, очень скоро математическая логика стала весьма уважаемой математической дисциплиной, огромные достижения которой привели к фантастическому технологическому прогрессу. Так что с математической частью логики все, в конце концов, было в порядке; чего не скажешь о философской логике.

Понимание в нашей стране очевидной успешности и уважаемости математической логики не означало вовсе уважаемости всего философского, что было связано с математической логикой. Дело в том, что логика, будучи сущностью философии, являлась по определению ее существенной частью. И поэтому она несла в себе все грехи "буржуазной философии". В то время можно было наблюдать многочисленные проявления борьбы в верхах в виде полемики между прежней ортодоксией и даже самыми слабыми попытками освободиться от нее. Любопытный эпизод этой борьбы был связан с логикой. В 1960 г. вышел труд Бела Фогараши "Логика", прекрасный переплет которой скрывал самое что ни на есть ортодоксальное понимание традиционной логики в худшем схоластическом изложении. Годом позднее, в качестве очевидной антитезы, вышел перевод с немецкого Георга Клауса "Введение в формальную логику", где излагались основы пропозиционального исчисления и даже кванторы. В полемике философов того времени ярлыки политической неблагонадежности раздавались с особой щедростью, и эта тенденция не минула логику как таковой. И если математическая логика как математическая дисциплина окончательно освободилась от идеологии, философской логике это еще предстояло сделать. Именно таковой фон сопровождал вступление моего поколения в логику.

Главные философские "грехи" новой логики были связаны, конечно же, с позитивизмом, основные представители которого были вовлечены в процесс создания и развития современной логики. Потрясающим изложением этого направления был, например, труд на русском языке некоего Мориса Корнфорда о диалектическом материализме (где-то около 1957 г.), написанный в лучших традициях "министерства правды" Дж. Оруэлла. Проклятия в адрес Рассела, Витгенштейна, Карнапа и др. совмещались с полным невежеством в области математики и логики. Читателю, который пытался найти хоть какие-то крохи информации в этом потоке обвинений логическому позитивизму в идеологической враждебности марксизму, было трудно продаться сквозь полную путаницу доктрин, имен и "заблуждений". Но перемены все-таки пробивали себе дорогу, и уже в 1960 г. вышла весьма свежая книга "Современный позитивизм" Игоря Нарского. Она несколько реабилитировала в глазах русскоязычного читателя того времени логический позитивизм, увязав его с эмпирическими тенденциями западной философии, но для понимания связи логических доктрин и философии этого было совсем недостаточно.

К тому времени стала оформляться так называемая философская логика. Сейчас есть жесткое разделение между философской логикой, философией логики и собственно математической логикой, - разделение, которое понимает практически каждый исследователь в области логики. Но тогда все эти вещи существовали в некотором синтезе, разве что математики, за некоторыми исключениями, не связывались с идеологически туманными философскими интерпретациями логики. Скорее, намечались несколько

тенденций, которые идентифицировались степенью использования математической техники в логических ис следованиях.

Мое вхождение в мир логики в 1960-х определялось двумя обстоятельствами. Прежде всего потребностью было полное игнорирование идеологических штампов и мотивов в собственно логике. Сам термин "буржуазная философия", который имел широкое хождение вплоть до 1990-х гг., для меня был бессмыслен как в узком смысле слова (в применении к логике), так и в более широком (философия едина). Больше того, гегельянский стиль философствования с его немисливо туманным жаргоном, эти категориальные темы, споры о "правильной" интерпретации Маркса, навевали невероятную скуку. Полагаю, что поколения ученых в нашей стране, которым преподается философия в университетах и в аспирантуре, подвержены таким же эмоциям, поскольку при таком понимании философии теряется всякий здравый смысл. Быть может, логика обладала для моего поколения притягательной силой как раз в силу того, что является олицетворением рациональности и того самого здравого смысла, который присущ науке. Вторым обстоятельством было мое понимание того, что заниматься техническими деталями логики, например, исследованием формальных систем, их построением, значило для меня заниматься не своим делом. Знакомство с работающими математиками убедило меня, что такую работу они делают лучше философов, не заботясь о философской интерпретации своих результатов. Признаться, я не обнаружил в себе таких математических способностей, которые позволили бы мне заниматься технической работой, хотя я и имел приличное знание как математики, так и собственно математической логики. Но для меня не менее интересным было достижение понимания того, насколько технические результаты математической логики имеют значение для философских доктрин и заключений. Собственно, в этом и состоит философия логики.

Конечно, философская логика, которая и стала моей областью, требует аккуратности в формулировках строгих результатов, их понимания и сферы действия. В этом отношении существует масса злоупотреблений, худшими из которых, например, являются "интерпретации" ограничительных теорем Геделя, коим нет числа. Так что в философской логике требуется соблюдение достаточной строгости и релевантности к предмету исследования. Имея за плечами подобные установки и стремления, в конце 1960-х я стал философским логиком.

Хорошо известно, что мы по большей части интересуемся теми проблемами, которые находятся в "мейнстриме" соответствующей области. Для философской логики важно удачное сочетание собственно логики и философских доктрин. Если находится такой человек, который в равной степени авторитетен в обеих областях, он оказывается в фокусе внимания всей отрасли. Его обсуждают, уточняют, полемизируют, опровергают, соглашаются и т.п. В конце 60-х таким человеком был в аналитической философии В. Куайн, и его философия логики и оказалась тем самым мейнстримом, который увлек меня на значительное время.

Философия логики Куайна была чрезвычайно привлекательна своим монистическим характером. Провозгласив, что логика первого порядка вполне достаточна для всех целей ("First-Order Logic is Logic Enough"), Куайн получил жесткую схему применения логики к философии. Онтологические проблемы свелись к выяснению значений связанных переменных, проблема указания (или референции) получила четкие очертания, ограничив указание сингулярными терминами, концепция значения была практически элиминирована, квантификация модальных утверждений оказалась чревата парадоксами. Привлекало меня в философии логики Куайна и то, каким образом даже в математических контекстах учитывались философские интересы, как это имело место в постепенном усилении и онтологических допущений при переходе от логики первого порядка к теории множеств в его книге "Теория множеств и ее логика", где понятие виртуальной сущности позволяло сгладить резкий переход от лишенной экзистенциальных утверждений логики к экзистенциальным утверждениям математики. Очень большое впечатление произвела на меня концепция онтологической относительности, с сопутствующим понятием онтологической редукции и пониманием экспликации как онтологической элиминации. Однако с самого начала в философии логики Куайна смущали несколько вещей.

Прежде всего трудно было понять, как совмещались у него гармоничный логический каркас дедуктивных концепций с эмпирической концепцией освоения языка. Его концепция семантического восхождения, изложенная в "Слове и объекте", была откровенно эмпирической, в то время как она увязывалась им с понятием аналитичности и другими логическими концепциями. "Слово и объект" считалась основной работой Куайна, и по этому его поклонникам не хотелось признаваться в том, что в ней очень много неясного, и неясности эти усугублялись крайне сложным языком изложения. Для себя я разрешил на этот счет сомнения, найдя в его последующей книге "Корни указания" гораздо более четкую картину концепции указания. Однако эта четкая картина окончательно выявила симпатию Куайна к так называемой референтативной (или объектной) интерпретации кванторов, и его отказ принять подстановочную интерпретацию кванторов. Это разделение было прекрасно иллюстрировано объяснением парадокса Сколема и понятия со-противоречивости. Аргументация против подстановочной интерпретации была четко артикулирована в работах некоторых его сторонников; наиболее представительной работой

была статья Уоллеса "The Frame of Reference" в журнале "Synthese". В первой своей книге "Логическая истина и эмпиризм" (1974 г., 2010 г. - 2-е изд.) я увязал разделение референтативной и подстановочной квантификации с концепцией онтологической редукции. Получающаяся при этом очень связная картина была верна только в том случае, если верны были возражения против допустимости подстановочной интерпретации кванторов. Однако именно эти возражения и вызвали некоторые сомнения, которые я подавлял в себе, полагая, что не может быть, чтобы никто не заметил тут некорректности. В январе 1978 г. в Гарварде я в ходе двухчасового разговора с Куайном пытался разрешить эти сомнения.

К тому времени мне удалось создать группу талантливых молодых людей, которые работали в области философии логики. Мой молодой коллега Александр Бессонов настоятельно убеждал меня в полной корректности подстановочной квантификации, что влекло за собой определенный демонтаж куайновской схемы. После долгих споров мы начали с ним работать в этом направлении, с целью придать подстановочной квантификации гораздо большую важность. В разгар работы мы узнали о статье С. Крипке "Есть ли какие-либо проблемы с подстановочной квантификацией?". В ответ на просьбу прислать отклик, Крипке немедленно выслал ее, с весьма лестной для нас фразой о том, что не подозревал, что по ту сторону океана кто-то интересуется этой проблемой. Эта работа вносила полный порядок в казавшуюся сомнительной законность подстановочной интерпретации. Результаты наших с А. Бессоновым исследований, которые были модифицированы в свете статьи Крипке, появились в виде большой книги "Две интерпретации логических систем" (1979 г., 2010 г. - 2-е изд.). А. Бессонов впоследствии опубликовал две книги об использовании подстановочной интерпретации кванторов: "Предметная область в логической семантике" (1985 г., 2010 г. - 2-е изд.) и "Теория объектов в логике" (1987 г., 2010 г. - 2-е изд.).

Другая проблема, поднятая Куайном, вызвала огромную волну исследований в философии логики. Это была проблема квантификации модальных контекстов. Возражения Куайна против квантификации пропозициональных установок основывались на конструируемых им парадоксах, возникающих в результате взаимодействия модальных операторов и кванторов. Возражения эти увязывались Куайном с нарушением его теории указания на объекты. Возможные объекты как референты терминов исключались им, и, как следствие, модальная логика оказывалась под сомнением. Очень важным обстоятельством было то, что модальной логике было отказано на основании чисто философских аргументов; в частности, как полагал Куайн, модальная логика ведет к аристотелевскому эссенциализму, доктрине, которая попросту неприемлема для эмпирически настроенного философа.

Вот в этом вопросе я находился в сложном положении, как и многие другие философские логики. Дело в том, что системы кванторной модальной логики успешно развивались, несмотря на возражения Куайна. Еще до появления семантик для модальной логики Крипке и Хинтикки стало ясно, что формальные методы модальной логики сами по себе вполне корректны, и единственные возражения против кванторной модальной логики лежат в области философии. Такое расхождение математических методов и философских интерпретаций было озадачивающим. Озадачивали и психологические обстоятельства, потому что корректность квантификации модальных контекстов показал первым Дагфинн Феллсдал в своей докторской диссертации, выполненной под руководством Куайна! И тем не менее, Куайн не был убежден в допустимости модальной логики. Во всяком случае, его комментарии по этому поводу для меня были туманными. С другой стороны, парадоксы, на которые ссылался Куайн, были действительно серьезными. Некоторое понимание такой раздвоенности - технической и философской - вполне самостоятельной ветви логики я обнаружил позднее, когда Я. Хинтикка указал, что Куайн, вполне возможно, был прав в своих возражениях против алетической модальной логики. Что касается остальных видов модальностей - эпистемической, физической, деонтической и пр., - то в них парадоксы разрешались довольно успешно.

Но сами философские возражения Куайна зиждились на отказе принять эссенциализм как философскую доктрину. Однако понятие сущности вполне эксплицируемо логическими средствами, и использование различия *de re* и *de dicto* модальностей в значительной степени позволяло обойти парадоксы. Помимо этого, сам эссенциализм был не монолитным понятием, и уже сам Куайн говорил о степенях вовлечения в эссенциализм. Вообще, использование алетической модальной логики для экспликации философских понятий, продемонстрированное, например, в работе А. Плантинги "Природа необходимости", произвело на меня большое впечатление. В своей книге "Понятие объекта в модальной логике" (1978 г., 2010 г. - 2-е изд.) я исследовал разновидности эссенциализма, в частности, общие и индивидуальные сущности, строго ограничиваясь при этом алетическими модальностями.

Поддержка эссенциализму пришла, конечно же, со стороны доктрины твердых десигнаторов С. Крипке. Он показал, что теория указания, принятая Куайном, не является адекватной во многих контекстах, и т.н. "новая теория указания", обязанная у Крипке Х. Патнэму, делает эссенциализм вполне приемлемой доктриной. Однако вся аргументация упиралась в концепцию возможных миров.

Если для Куайна понятие возможного мира представляло нечто недопустимое в силу трудностей с идентификацией такого рода сущностей ("No entity without identity" - еще один из крылатых его афоризмов), то для многих философских логиков они были вполне приемлемыми. Куайн в этом отношении был

последователен, приняв критику Расселом концепции возможных объектов А. Мейнонга в знаменитой работе "Об обозначении" как окончательную. И коль скоро "To be is to be value of variable", а указание возможных миров проблематично в силу отсутствия критерия их тождественности, они не могут считаться существующими. Я долго полагал, что Рассел, а вслед за ним и Куайн, правы в своём отказе считать такие понятия, как подсуществование у Мейнонга, противоречащими здравому смыслу, - пока в мои руки не попал присланный мне манускрипт известного философского логика Ричарда Раутли (впоследствии сменившего фамилию на Сильван) "Исследование мейнонговских джунглей". "Джунгли", конечно, представляли собой невероятно богатый универсум объектов. Стало ясно, что расширенное понятие логики представляет собой гораздо более гибкий инструмент экспликации философских понятий, чем логика первого порядка, и поэтому сама философия логики Куайна является в значительной степени неадекватной целям логического анализа философских концепций.

Действительно, анализ таких фундаментальных понятий, как существование, может быть проведен самыми разнообразными средствами, какие и были описаны в моей книге "Логика существования" (1976 г., 2010 г. - 2-е изд.). Мало того что, скажем, логическая система С. Лесневского "Онтология" предлагала радикально отличный от первопорядковой формализации анализ существования; обнаружилось также, что теория дескрипций Рассела, которая была парадигмой аналитической философии, имеет массу интересных альтернатив, принятие которых ведет к весьма разным философским следствиям. Кроме того, с помощью одной лишь первопорядковой логики невозможно было решить проблему пустых используемых терминов. Дело в том, что использование пустых сингулярных терминов, вообще-то призванных указывать на существующие объекты, приводит к парадоксам. Системы логики, избегающие такого рода "парадоксов сингулярного существования", получили название "свободных от экзистенциальных предположений логик", или же попросту, "свободных логик". В далеком 1970 г. я опубликовал статью по этому поводу в "Вопросах философии", и рецензентом был А.А. Зиновьев, который был также первым оппонентом моей кандидатской диссертации.

Но самой интересной темой для меня в этот период стала проблема выражения в логике концепции возможных миров. Как известно, семантика возможных миров ассоциируется по большей части с именем С. Крипке, хотя аналогичная семантика была представлена Я. Хинтиккой одновременно под названием "модельных множеств". Интересы подавляющей части моих русских коллег-логиков были в то время поглощены семантикой Крипке, но я был заинтересован скорее в теории Хинтикки. Очевидно, это объяснялось и чисто психологическими обстоятельствами. Как только я прочитал его статью "Являются ли логические истины аналитическими" в журнале "Philosophical Review" 1965 г., я был очарован совсем новым логическим аппаратом, который назывался "дистрибутивные нормальные формы языка первого порядка".

Идея дистрибутивных нормальных форм принадлежит Г. фон Вригту. Его ученик Я. Хинтикка распространил ее на систему с кванторами, получив представление логики первого порядка. Фактически этот формальный аппарат есть описание бесконечного числа возможных ситуаций конечными средствами языка. С точки зрения применения дистрибутивных нормальных форм к экспликации философских понятий этот формализм чрезвычайно интересен и, с моей точки зрения, является наиболее впечатляющим результатом в этой сфере. Действительно, экспликация аналитических и синтетических истин, глубинной и поверхностной информации, истоков неразрешимости логики первого порядка и много другого впечатляет. Однако этот аппарат чрезвычайно сложен с комбинаторной точки зрения, и, видимо, по этой причине не получил распространения, и лишь несколько человек, в большинстве из Финляндии, использовали его. На некоторое время я погрузился в изучение аппарата, пользуясь гостеприимством Я. Хинтикки в Хельсинки в 1974 г., и в понимании тонкостей формальных вещей мне помогли, в частности, профессор В. Рантала и профессор И. Ниинилуото. Ранее я видел очень интересное применение дистрибутивных нормальных форм к анализу информативности теоретических сущностей, изложенное в книге Р. Туомела "Теоретические концепции". Все это побудило меня написать книгу "Философские проблемы семантики возможных миров" (1977 г.), в которой я изложил эту теорию и сумел, как мне казалось, ответить на некоторые возражения против нее. В 2010 г. я серьезным образом переработал ее, для того чтобы идеи дистрибутивных нормальных форм были понятнее. Мне даже было жаль, что Я. Хинтикка перестал использовать этот аппарат, перейдя в то время к разработке теоретико-игровой интерпретации логики. Поскольку эти идеи для меня также были интересны, я предложил своему аспиранту Аркадию Блинову заняться этим разделом философской логики, и насколько я знаю, теперь уже в Австралии он успешно работает в этой области до сих пор.

По-моему, демонстрация плодотворности формальных конструкций в экспликации философских концепций интересна лишь в том случае, когда при этом получается по-настоящему нетривиальный, зачастую неожиданный результат. Так, в ежегоднике Института философии Академии Финляндии "Ajatus" была опубликована статья Я. Хинтикки, в которой объяснялось появление монадологии Лейбница. Используя дистрибутивные нормальные формы, Хинтикка утверждал, что сама идея монад есть туманная попытка ввести в логику отношения, не располагая при этом необходимыми средствами (как известно,

отношения стали возможны в логике только в XIX в.). На меня такое использование формального аппарата произвело большое впечатление.

В книге "Философские проблемы семантики возможных миров" мною была также исследована процедура прослеживания индивидов сквозь возможные миры. Крипке постулировал т.н. "твердые десигнаторы"; согласно этой концепции, термин указывает на один и тот же индивид во всех возможных мирах. Хинтикка, автор важнейшей системы эпистемической логики, настаивал на другой концепции, полагая, что разговор о возможных мирах имеет смысл в эпистемической ситуации, когда "мировая линия индивида" определяется пропозициональными установками субъекта, а не задана наперед, как у Крипке. Вообще проблема идентификации индивидов в различных возможных мирах есть только частный случай многих познавательных процедур, поскольку сам процесс приобретения информации есть сужение области альтернатив, в полном соответствии с теорией информации К. Шеннона. Отсюда, можно было переходить к методам измерения семантической информации в различных концептуальных схемах, чем я занялся гораздо позднее.

Естественно, что мы в нашей группе не могли пройти мимо тщательного анализа самой проблемы твердых десигнаторов, и эта тема, как и вообще философия языка С. Крипке, включая его книгу "Именование и необходимость", была исследована моим учеником Василием Петровым в нескольких его работах.

В ретроспективе мне кажется, что в те 1970-е годы мы были жадны до тех тем, которые были на слуху в логико-философском сообществе. Практически мы охватили всю номенклатуру проблематику тех лет - свободные логики, модальные логики, семантику возможных миров, игровую интерпретацию логики, подстановочную квантификацию, онтологию логики и математики, структурализм. Одновременно мы читали и разбирали "хиты" тех лет, которые не относились напрямую к логике, но которые доставляли огромное интеллектуальное наслаждение - книги Д. Хофштадтера "Гедель, Эшер, Бах", Р. Смаллиана "Молчаливое Дао", Ф. Капры "Дао физики", восхитительные диалоги П. Фейерабенда и многое другое. К счастью, нас не сильно затрудняли те соображения, что наши занятия не совпадают с господствовавшей идеологией. В том-то и состояло преимущество занятий логикой, что оно позволяло обходиться без ортодоксии, которая практически свела философию в России к цитатникам. Эта политика имела и оборотную сторону - наши достижения тех лет остались практически невостребованными и не оцененными. Остается утешать себя тем, что после 1991 г. нам не пришлось менять свои взгляды кардинально, как это случалось со многими гуманитариями.

Когда занимаешься философией, трудно избежать влияния многих неявных тенденций, определяемых выдающимися людьми. Одним из моих героев-современников в философии является, как можно уже было заметить, Яакко Хинтикка. Его стиль трезв, область интересов охватывает практически все разделы логики, ее философии. Он полемичен и не боится бросать вызов устоявшимся взглядам и укоренившимся мифам. Как я уже сказал ранее, много лет я уделял философии, следуя программе Куайна, и на сегодня могу лишь сказать, что разочарован в ней, поскольку на протяжении многих лет он практически не ворил одно и то же. В этом отношении полным ему контрастом является Хилари Патнем, который довольно часто меняет свои программы и не боится ревизовать глубоко устоявшиеся в сообществе взгляды. Для меня огромный интерес, например, представляет его критика теории истины в формализованных языках Тарского как философской теории истины. Такая ревизия поднимает крайне интересный вопрос: в какой степени философы должны доверять интерпретации формальных результатов. Традиционный упрек философам в том, что они недостаточно компетентны, чтобы учитывать технические детали формализмов, весьма справедлив. С другой стороны, не очень ясно, являются ли эти детали релевантными для философской оценки формальных построений. Тут, безусловно, нужен баланс, который сдвигается в ту или иную сторону в зависимости от стиля мышления исследователя. В этом отношении идеалом для меня является Поль Бенацераф, прекрасно знакомый с математическими деталями; он написал лишь несколько работ по философии математики, которые стали буквально фокусом внимания сообщества, включая такие знаменитые, как "Чем не должны быть множества" и "Математическая истина". Эти статьи не содержат практически никаких математических тонкостей, и, тем не менее, в них подняты самые значительные вопросы как онтологического, так и эпистемологического плана. Для любого сообщества нужны критические оценки, которые позволяли бы оценить, хотя бы в ретроспективе, взлеты и падения программ и личностей. Редкий такой обзор, который ломает некоторые мифы о развитии аналитической философии, можно найти у Бенацерафа в статье "Чем не должна быть математическая истина". Ну а если все-таки кто-либо будет настаивать на важности технических деталей, в его распоряжении работы математика, который крайне симпатичен мне, а именно Джорджа Крайзеля. Его сложные по манере изложения мысли чрезвычайно оригинальны, в чем можно убедиться, на пример, читая его биографию К. Геделя. Я имел возможность несколько раз встречаться с Крайзелем и всякий раз убеждался в том, что роль технических деталей в понимании философских вопросов логики и математики имеет фон, который часто ускользает от реверсивной строгости.

Говоря о героях, которым хотелось бы следовать, хочу упомянуть двух философов. В 1975 г. я был

приглашенным докладчиком на Конгрессе по логике, методологии и философии науки в Канаде. Двумя моими партнерами по секции в тот день были Ч. Парсонс и Я. Хакинг. В то время я имел крайне слабое понимание, насколько они являются значительными мыслителями и какие важные доклады они сделали. Только много лет спустя, уже после нескольких встреч с ними, работая над серией книг по философии математики, я осознал их масштаб. Сдержанность и точность в изложении, свойственные их работам, дополняются личным обаянием этих людей. Чарльз Парсонс имеет феноменальную память: наш разговор в 1977 г. был прерван кем-то, и при встрече в 1991 г. он продолжил прерванный разговор, в который я сумел вступить с огромным трудом. Ян Хакинг необычайно "эмпиричен" и "историчен", если можно так выразиться, в своих работах, начиная с прекрасных книг "Почему язык важен для философии" и "Сумасшедшие путешественники". В чисто логическом плане я был очень впечатлен его работой "Do-It-Yourself Semantics for Classical Sequent Calculi". Я понял, например, весьма сложные для аналитического философа основные идеи "археологии знания" М. Фуко только по прочтении ранней статьи Хакинга из журнала "Nous".

Говоря о своих героях, я хотел бы вспомнить Ричарда Рорти, книга которого "Философия и зеркало природы" вызвала столь много проклятий со стороны аналитических философов. Будучи переводчиком этой книги на русский язык, я имел много встреч с ним и убедился, что любому сообществу необходима самоирония, хотя тот, кто решит ся на выражение этой самой самоиронии, обрекает себя на неудовольствие сообщества. В одной из рецензий я прочитал, что Рорти больше всего похож на разочарованного метафизика, и я думаю, что это самая верная характеристика. Как человек Рорти был поразительно добр и внимателен к тем, кто не понимал многого из того, что он извлек из своего личного опыта пребывания в сообществе философов. Именно в его доме я наткнулся на что-то вроде его интервью, данного студенту, в котором он рекомендовал всем при ступающим к изучению философии избрать себе героя для подражания. В свое время я выбрал для себя такого героя в лице Бертрانا Рассела, и даже недавнее чтение крайне враждебной к нему его биографии, написанной Р. Монком, и поразительные случаи из жизни Рассела, рассказанные мне Крайзелем, не поколебали меня в правильности моего выбора. Другое дело - в какой степени ты преуспеваешь в следовании своему герою.

Я не знаю, насколько существен для самоидентификации выбор героев для подражания с точки зрения чисто профессиональных интересов. Мое профессиональное становление проходило в обществе моего руководителя в Институте философии Украины Миротлава Владимировича Поповича, ныне директора Института философии НАН Украины. Хотя его интересы были гораздо более широкими, чем область логики и методологии науки, ему я обязан больше, чем кому-либо, в обретении профессии. Его широчайшая эрудиция и необыкновенная доброта позволила обрести мне друга на всю жизнь. Вообще обстановка в Институте философии в Киеве, где в то время (в 1967-1968 гг.) был директором П.В. Копнин, была поразительно благоприятной для свободного философского творчества, не отягощенного догматизмом и ортодоксией.

Для того чтобы обрести определенную известность, требуется написать нечто такое, что представляло бы интерес для общей публики. Мне трудно было представить к началу 1990-х, чем это могло бы быть, и, не имея способностей популяризатора идей, я оказался перед выбором: на что направить свое внимание после серии книг по философии логики. Было определенное разочарование в том, что все эти восхитительные темы ни кого особенно не интересуют. Тем не менее я решил еще раз выбрать такую область исследований, которая вряд ли найдет широкого читателя. Эта установка отвечала моему взгляду на философию, выраженному Бенаццерафом, - философия математики есть философия в наиболее очищенном виде, не приправленная сладким сиропом о применении философии. Можно, правда, считать занятия абстрактными философскими проблемами таким эскапизмом, нежеланием смотреть правде в глаза и осознавать, что наша философия не очень-то популярна. С другой стороны, я могу считать, что мне повезло в том, что я мог заниматься теми проблемами, которые для меня интересны. Долгое время у меня было состояние неудовлетворенности в отношении того, во что превратилась философия математики, как она преподносится для изучающих эту дисциплину. Великие философские школы зачастую становятся препятствием для своевременной оценки новых интересных тенденций. В философии математики "великая тройца" - логицизм, интуиционизм и формализм - возникшие в начале XX в., продолжают доминировать в сознании тех, кто приступает к изучению философии. Как свидетельствовал А. Мостовский, уже к 1970-м публика подустала от поисков решения тех проблем, на решение которых претендовали эти направления. Постепенно росло убеждение, что следует изменить вектор исследований в философии математики. Общее настроение превосходно выразил Х. Патнэм в одной из своих статей с говорящим за себя названием "Почему все это не работает", имея в виду традиционные направления в философии математики. Уже упомянутые выше статьи П. Бенаццерафа также требовали значительной ревизии в оценке самой ситуации в этой области. В последние два десятка лет появилось множество работ, из которых постепенно вырисовывались контуры новой философии математики.

К началу 2000-х у меня вызрела концепция написания такого компендиума по современной философии математики, который вобрал бы все, что там сделано за последние два-три десятка лет, и

который я выпускал на протяжении семи лет ежегодно по книге в серии под названием "Новая философия математики".

Я начал с книги "Философия математики" (2002 г.), где помимо философского анализа теоретико-множественных аксиом значительное место уделено запутанной ситуации во круг парадокса Сколема. Для математиков эта тема не представляет особой важности, но с учетом того, что философская программа "внутреннего реализма" Патнэма основана на "сколемизации всего", рассмотрение аргументов pro et contra крайне интересно. Затем последовала "Онтология математики" (2003 г.), где особое место занял структурализм в математике. Третья книга серии "Нормативность дедуктивного дискурса" (2004 г.) несколько отклонилась от "столбового" направления, будучи посвящена теме логических констант. Мой друг и коллега из Томского университета Валерий Суровцев привлек мое внимание своей книгой "Автономия логики" к роли логических констант, выбор которых в значительнейшей степени определяет концепцию логического следования. В этом отношении чрезвычайно интересно было следить за критикой концепций следования А. Тарского, что также было в русле опровержения мифов, которыми столь обильна философия. Одна из тем, которые слегка будоражили философское и отчасти математическое сообщество, была инициирована книгами Р. Пенроуза "Новый ум короля" и "Тени разума", в которых он аргументировал, что человеческий ум принципиально неалгоритмизируем, то есть превосходит компьютер. У этой точки зрения почти нет сторонников, но среди немногих оказался сам К. Гедель, ограничительные теоремы которого и лежат в основе этой аргументации. "Схватка" вокруг точек зрения менталистов (Гедель, Лукас, Пенроуз) и механицистов (все остальные) затронула массу как технических, так и философских аргументов и потребовала от меня в четвертой книге ("Алгоритмизация мышления: геделевский аргумент" - 2005 г.) точности и предельного внимания. Особый интерес представляют те взгляды из записных книжек Геделя, которые были опубликованы относительно недавно.

Остальные три книги серии - "Эпистемология математического доказательства" (2006 г.), "Интуиция, финитизм и рекурсивное мышление" (2007 г.), "Тезис Черча" (2008 г.) - посвящены проблемам доказательства и вычислимости. В ходе написания этой серии книг я познакомился с работами многих молодых философов математики, которые заинтересованы в обновлении этой почтенной области философии. Я хотел бы продолжить эту серию книг, надеясь на то, что в самое ближайшее время философия математики сильно изменит свое лицо. Но вот чего я опасюсь - так это того, что эти изменения пройдут мимо российских философов, как прошли мимо многие важные изменения в современной философии. Дело в том, что мы издаем постыдно мало переводов наших зарубежных коллег.

Несколько лет назад я опубликовал в "Вопросах философии" короткую заметку "Можно ли изучать философию без чтения серьезных книг?", в которой сопоставил список обязательной литературы по аналитической философии для студентов британских университетов с имеющимися книгами на русском языке. В лучшем случае мы располагаем лишь пятой частью обязательного чтения. Я прекрасно понимаю, что издание научных книг не прибыльно, что философские произведения не являются приоритетом, но все-таки контраст между наличием литературы за рубежом и в России поразителен. Я много раз замечал, что какая-нибудь интересная книга по философии, вышедшая на английском языке, почти немедленно переводится на французский, немецкий, итальянский, чешский, японский и другие языки, но, увы, не на русский. Если дело пойдет таким образом дальше, наши студенты просто не будут понимать, что же пишется в философских журналах, почему обсуждаются эти, а не иные проблемы, и мы опять окажемся в ситуации уже не железного, но все же занавеса, только уже по совсем другим причинам. Впрочем, возможно дело с переводами в России связано не только со спецификой философской литературы. Я, на пример, являюсь поклонником американского писателя Томаса Пинчона, романы которого являются новым словом в мировой литературе. Его знаменитый роман "Радуга притяжения", изданный в 1973 г., так и не вышел в русском переводе, хотя он переведен на многие языки, несмотря на колоссальные трудности перевода. Что у нас за проблемы с ознакомлением с западной культурой? Ведь сумел же С.С. Хоружий донести до русскоязычного читателя "Улисса" Джойса.

Я с восхищением слежу за усилиями моего друга и коллеги, профессора Томского университета Валерия Суровцева, который неумолимо переводит и публикует очень много зарубежных книг по аналитической философии. Сам я со своими коллегами потратил немало времени на перевод важных по всем критериям книг вроде "Теория справедливости" Дж. Ролза и "Философия и зеркало природы" Рорти, а также нескольких книг Б. Рассела. Поразительно, что часто вместо доброжелательной реакции на то, что еще одна интересная книга по философии стала доступна нашим читателям, начинается ловля переводческих "блох", которые якобы не позволяют русскоязычному читателю понять содержание книги. Смеею заметить, что в этом деле важно наличие книги, а не пересказ ее переписчиками и лекторами, которые хотели бы оставаться последней инстанцией в толковании философии, а что до эстетического совершенства при наличии дефицита философской литературы - напомним знаменитый афоризм французского математика Шарля Эрмита: "Изящество и красоту следует оставить сапожникам и портным".

Занимающихся философией часто упрекают в том, что в этой области нет никакого прогресса. Это в определенной степени верно, но в этой связи я люблю высказывание Л. Витгенштейна: "Если у вас

зачесалось какое-то место, и вы почесали его, это прогресс?" Философия представляет неодолимую потребность в размышлении над загадками, которые не дают покоя людям уже более двух тысяч лет. Современная аналитическая философия представляет собой, слегка переиначивая слова Дж. Пассмора, бурное, не укладывающееся в четкие определения, разнообразное по вдохновляющим идеям и методам движение. Обнаружить порядок, выявить тенденции, разобраться в изощренной аргументации - все это доставляет огромное наслаждение, и мне кажется, что этого вполне достаточно для апологии философа.